

К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, О.А. Сычев, М.С. Власов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АМОРАЛЬНОМ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00119
«Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».*

Дан анализ представлений об аморальном у традиционалистов, высоко ценящих моральные нормы уважения, лояльности, чистоты, и прогрессивистов, выше оценивающих нормы заботы и справедливости. Данные, полученные с помощью опросника MFQ и анкеты, выявляющей представления об аморальном, были подвергнуты полемому анализу в информационной системе «Семограф». Частотный анализ сформированных полей и семантические графы, построенные с помощью метода графосемантического моделирования, позволили подтвердить основанные на теории моральных оснований гипотезы.

Ключевые слова: мораль; аморальное; теория моральных оснований; традиционализм; прогрессивизм; эксперимент; семантический анализ; графосемантическое моделирование.

Введение

В последние два десятилетия в социально-гуманитарных науках (в первую очередь, в психологии) наблюдается существенный рост интереса к проблемам морали и нравственности, выражающийся как в увеличении числа эмпирических исследований, открывающих новые факты, так и в появлении новых подходов и теорий [1]. При этом тесно связанное с моралью понятие «аморальное» привлекает к себе гораздо меньше внимания. В значительной мере, по видимому, это объясняется вторичностью аморального по отношению к морали, через отрицание которой (или противоречие с ней) оно обычно определяется [2. С. 15]. В немногочисленных социальных и психологических исследованиях аморальное в личности связывается преимущественно с психопатией [3] или темной триадой личностных качеств, включающей психопатию, нарциссизм и макиавеллизм [4]. Попытка анализа аморальной личности путем эмпирического обобщения позволила выделить наряду с темной триадой также такие аморальные социальные установки, как садизм, бунтарство, расчетливость, цинизм, злобность и некоторые другие [5], однако отсутствие прочной теоретической базы привело к тому, что такой подход не получил признания.

Несмотря на вторичность по отношению к понятию «мораль», аморальное и представления о нем заслуживают специального анализа ввиду неоднозначности и разнообразия таких представлений у людей с различными индивидуальными и культурными особенностями. При этом совершенно оправданным представляется подход, опирающийся на современные теоретические представления о природе морали и структуре моральной сферы (см. их обзор в [6]). Опора на психологическую теорию морали, с одной стороны, позволяет уточнить направление и категории анализа. С другой стороны, результаты подобного анализа могут представлять интерес не только в качестве теоретически обоснованного описания представлений об аморальном, но и с точки зрения проверки или уточнения соответствующих теоретических по-

ложений. Наиболее соответствующей задачам данного исследования психологической теорией морали представляется теория моральных оснований, представляющая лаконичное, но вместе с тем достаточно полное описание структуры моральной сферы.

Теория моральных оснований (ТМО), сложившаяся в последние два десятилетия на основе интеграции результатов психологических, антропологических и нейрокognитивных исследований, представляет собой один из наиболее известных подходов к описанию структуры моральной сферы и механизмов нравственной оценки [7]. К числу ключевых положений этой теории относится представление о том, что в основе моральных суждений лежит ограниченный набор закрепленных в результате эволюции механизмов, обеспечивающих быструю интуитивную эмоционально-окрашенную оценку событий и поступков [8]. Развернутое сознательное обоснование этих оценок с указанных позиций является вторичным и выполняет преимущественно межличностную функцию (например, убеждение других в правильности своей оценки).

В рамках такого социально-интуитивистского подхода одним из центральных является вопрос о том, каков минимальный обоснованный набор этих базовых механизмов (получивших название «Моральных оснований»), лежащих в основе разнообразия моральных оценок в различных культурах. Понятие «Моральные основания» здесь используется для обозначения самых общих, базовых механизмов и соответствующих им критериев (оснований) нравственной оценки различных событий и поступков. Набор таких моральных оснований позволяет охарактеризовать структуру моральной сферы. В результате теоретического анализа и обобщения эмпирических данных авторы ТМО описали пять моральных оснований [9]:

- 1) забота (включающая одобрение заботы о близких, о слабых и незащищенных, запрет на причинение эмоционального и физического вреда);
- 2) справедливость (справедливое, непредвзятое отношение, равенство, честность);

3) лояльность группе (преданность интересам группы, нетерпимость к изменникам);

4) уважение (уважение власти, авторитетных лиц, традиций, соблюдение иерархии);

5) чистота (осуждение отвратительных, постыдных поступков, развращенности и распущенности, одобрение целомудрия и почитания святынь).

Первые два моральных основания (забота и справедливость) преимущественно сосредоточены вокруг индивидуальных отношений человека к человеку, так что их объединяют под названием индивидуализирующих моральных оснований, или «этики автономии». Три последних моральных основания в основном касаются отношений между человеком и его сообществом, способствуя сплочению людей вокруг лидера, общих ценностей и святынь, а потому их называют сплывающими моральными основаниями, или «этикой сообщества».

В статье Дж. Грэхема с соавт. на материале четырех исследований, три из которых проведены с использованием различных опросников и одно основано на контент-анализе текстов, было показано, что соотношение индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований в индивидуальном профиле показывает надежную связь с консервативными или либеральными взглядами в политической и общественной жизни [10]. В частности, для лиц, придерживающихся консервативных взглядов, характерна одинаково высокая оценка важности как индивидуализирующих, так и сплывающих моральных оснований, в то время как либеральные взгляды сочетаются с явно преобладающей оценкой важности индивидуализирующих оснований при низкой важности сплывающих. Этот вывод был неоднократно подтвержден в опросных исследованиях, например в работе Р. Айера с соавт. на большой выборке с участием 157 804 респондентов из США [11], на репрезентативной финской выборке [12], на южнокорейской выборке [13] и во многих других исследованиях. В статье основателей ТМО [9] представлены подтверждающие данные о связи моральных оснований с политической идеологией по 12 различным регионам и странам мира.

Данных о воспроизведении связи моральных оснований с политической идеологией на материале анализа текстов несколько меньше. Так, в недавно опубликованной статье Дж. Фримера [14] представлены результаты пяти исследований, направленных на проверку воспроизводимости различий в использовании лексики моральных оснований лицами с разными политическими взглядами в религиозных, политических текстах и материалах СМИ, а также итоги метаанализа. В результате Дж. Фример пришел к выводу, что связь политической идеологии с моральными основаниями подтверждается в отношении моральных оснований «уважение» и «чистота», хотя сила связи существенно ниже, чем в оригинальном исследовании Дж. Грэхема с соавт. [10].

В исследованиях, проведенных в рамках ТМО, было показано, что моральные основания ярко проявляются в том, как люди относятся к различным общественным проблемам, как они оценивают те или иные социальные явления и события [15–17]. Например, в

статье С. Колевой и соавт. было показано, что моральные основания являются статистически значимыми предикторами мнений по спорным вопросам, отражающим консервативные представления об «аморальном», например однополые отношения и браки, внебрачный секс и рождение ребенка вне брака, аборт, порнография, эвтаназия, клонирование, исследования стволовых клеток, азартные игры, неуважение к государственным символам [16]. В соответствии с ожиданиями, лица с большей выраженностью сплывающих моральных оснований (и, особенно, морального основания «чистота») высказывают по этим вопросам существенно большее неодобрение. Убеждения в необходимости защиты окружающей среды показывают связь с индивидуализирующими моральными основаниями [17].

В исследовании на российской выборке обнаружилось, что соотношение индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований ожидаемым образом проявляется в отношении к различным острым социально-политическим вопросам [15]. В частности, преобладание индивидуализирующих моральных оснований (условно «либеральный» профиль) показало связь с большей (по сравнению с условными «консерваторами») озабоченностью бедностью и справедливостью в оплате труда, негативным отношением к возрастающей роли религии в общественной жизни и современным российским элитам, стремлением ограничить цензуру и идеологическое влияние государства на граждан, убежденностью в неоправданности репрессий сталинской эпохи и отсутствии необходимости увеличения затрат на оборону, поддержкой неприкосновенности частной собственности и прав сексуальных меньшинств, а также некоторыми другими подобными взглядами.

Из теоретических положений и накопленных данных следует предположение о том, что различный профиль моральных оснований (консервативный, традиционалистский или либеральный, прогрессивистский) должен быть связан с представлениями о том, что является нравственным и безнравственным, моральным и аморальным. Разумно ожидать, что у лиц с либеральным профилем, ввиду того, что для них важными являются только индивидуализирующие моральные основания, представления об аморальном должны преимущественно включать нарушения норм заботы и справедливости. У лиц с консервативным профилем, высоко оценивающих важность не только индивидуализирующих, но и сплывающих моральных оснований, их представления об аморальном должны включать в себя в первую очередь нарушения норм лояльности, уважения и чистоты, наряду с отклонениями от норм заботы и справедливости.

Обоснованность такого предположения подтверждается выводами А. Мацуо, которым было показано, что высокая оценка важности морального основания по опроснику сочетается с наличием «лучше организованной (когнитивной – авторы) схемы для соответствующего морального основания», проявляющейся в том, как информанты конструируют и описывают гипотетические ситуации нарушения соответствующих моральным основаниям норм [18].

С. 6]. Наличие «хорошо организованных когнитивных схем» для наиболее важных моральных оснований должно выражаться в их большей доступности и легкости актуализации при решении задачи описания аморального поведения. Такой вывод согласуется с положениями теории воплощения (англ. Embodiment Theories) [19, 20].

Так, в концепции Л. Барсалоу понятие *симулятора* – нейрональной распределенной мультимодальной системы, – соотносится с категориальной семантикой [19]. Эта система возникает на основе повторяющегося взаимодействия человека с экземплярами / репрезентантами категории, которые в силу принадлежности одной категории обладают статистически коррелированными свойствами, – в результате взаимодействия человека с такими экземплярами активируются аналогичные нейронные паттерны. Симулятор (т.е. вся нейрональная сеть, представляющая категорию) никогда не становится активным одновременно; активными могут быть только небольшие подмножества для представления категории в определенных случаях / контекстах, так называемых локализациях. Такие подмножества получили наименование симуляций, которые представляют собой примеры категории. Локализованность конкретных симуляций, по мысли Л. Барсалоу, формируется за счет локализованного характера представлений, причина которого, в свою очередь, состоит в том, что опыт субъекта в окружающей среде также локализован, т.е. всегда определен относительно пространственных и временных координат (так называемого сеттинга), субъектного и объектного контекста возникающих ситуаций [19].

В нашем случае можно сказать, что если для субъекта более важно какое-то определенное моральное основание (например, справедливость), то это обстоятельство является следствием жизненного опыта, в котором представлена некоторая совокупность локализованных ситуаций прошлого, каждая из которых развивалась под влиянием фактора справедливости или несправедливости. При этом формирование категории (симулятора в терминах Л. Барсалоу) может осуществляться в двух направлениях: от перцептивного опыта к понятию / категории («снизу вверх») и от языка к понятию / категории («сверху вниз») [21].

Когда мы имеем дело с такой сложной категорией, как аморальное, то можем обнаружить, что данная категория а) в соответствии с ТМО состоит из нескольких больших подмножеств, для каждого из которых будут свои наиболее типичные примеры (*симуляции*), б) представлена в конкретных симуляциях (примерах *аморального*) либо как отражение перцептивного опыта, либо как отражение языка (и шире – культуры). Такого рода примеры аморального можно попытаться выявить либо с опорой на тематические / семантические словари и языковой корпус, либо с помощью опросных методов.

Тематические / семантические словари дают проекцию «сверху вниз» – в них представлен систематизированный на лексическом уровне языковой опыт социума. Так, в русском семантическом словаре [22] аморальному отведен отдельный раздел «Антиобщественное или аморальное поведение, поступки» (ан-

тиобщественное здесь понимается как аморальное). Раздел состоит из подразделов: Провокация, интрига, измена; Глумление, надругательство, вандализм. Самоубийство; Аморальное поведение, пьянство; Бесчинство, рукоприкладство, хулиганство. В то же время аморальное в словаре рассматривается слишком узко. Так, например, подраздел «Аморальное поведение» включает в себя ряд слов с абстрактной семантикой «поведение, противоречащее нормам морали» (аморалка, беспутство, разврат, порок) и небольшого списка слов с семантикой сексуального аморального поведения (адюльтер, блуд, прелюбодеяние) [22. С. 277]. Понятия аморального встречаются также в разделе «Отступление от правил морали...» [22. С. 236], но перечень слов данного раздела (22 слова) во многом случаен. Можно сказать, что лексикографический подход пока далек от системного представления категории *аморального*.

Корпусный подход, напротив, должен дать проекцию «снизу вверх», поскольку корпус представляет множество конкретных речевых реализаций категории. Однако корпусные исследования, осуществляющиеся, в первую очередь, с опорой на НКРЯ [23], решают задачи, связанные с «бытованием» тех или иных лексических единиц в языке, и не ставят проблем структурирования целостных доменов языковой картины мира (см., например, [24]). Таким образом, сочетание лексикографического и корпусного подходов в настоящее время не позволяют реконструировать категорию *аморального*.

В то же время задача может быть решена с помощью экспериментального подхода, сфокусированного на сборе языкового материала, репрезентирующего предметную область *аморального* в языковом сознании социума. При этом достоинством экспериментального подхода к сбору материала является возможность соотнесения результатов психологического опроса ТМО со значимыми для каждого профиля (консервативного или прогрессивистского) проявлениями (образцами) категории *аморального*. Данные образцы можно выявить с помощью дополнительных вопросов / заданий к испытуемым (далее – Ии.), в частности приведение примеров *аморального*, т.е. в рамках парадигмы «натуралистических концепций морали» [25], обращенной в своих исследованиях к персональному жизненному опыту Ии. для формирования исходного свободного списка образцов категории [26, 27]. В целом образцы аморального согласно [21] могут представлять а) концептуализованный путь «от опыта к понятию», часто репрезентированный конкретными ситуациями и представленный единицами, оформленными синтаксически (П.: *курение на детских площадках; обсуждать плохие поступки в контексте хороших*) и б) путь «от языка», выражаемый в многочисленных словарных номинациях (*убийство, предательство, наркомания, проституция* и мн. др.). Нужно отметить, что между обоими подходами нет явных границ: симуляция аморального, сформированная не в индивидуальном перцептивном опыте, а в опыте лингвокультурном (например, геноцид, фашизм, убийство и мн. др.), также переживается индивидуально.

Таким образом, проблему исследования составляет вопрос о том, связана ли относительная субъективная важность индивидуализирующих и спланивающих моральных оснований с представлениями об *аморальном*. В ходе исследования проверялась гипотеза о том, что лица с преобладающей важностью индивидуализирующих моральных оснований при характеристике аморального в первую очередь указывают на нарушение норм заботы и справедливости, в то время как лица, признающие важность спланивающих моральных оснований, при характеристики аморального в большей мере указывают на нарушение норм чистоты, уважения и лояльности.

Организация и методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 300 информантов (из них 127 были опрошены в г. Перми и 173 – в г. Бийске). Подавляющее большинство опрошенных – это студенты очного и заочного отделений ПГНИУ и АГГПУ им. В.М. Шукшина. Доля мужчин составила 43% (один информант не указал пол), средний возраст опрошенных $M = 22,83$, стандартное отклонение по возрасту $SD = 6,09$ (см. распределение по возрасту и полу в табл. 1). Такую выборку можно считать репрезентативной по отношению к генеральной совокупности образованной российской молодежи.

Таблица 1

Распределение информантов по полу и возрасту

Пол	Возраст, лет				
	17–20	21–25	26–30	От 31	Всего
Женский	69 (40%)	54 (31%)	20 (12%)	29 (17%)	172 (100%)
Мужской	80 (63%)	36 (28%)	3 (2%)	8 (6%)	127 (100%)

Примечание. Один информант не указал свой пол. Числовые данные отражают количество информантов, проценты – долю по строкам.

Материалы. Для анализа использовался материал, полученный в контрастных группах (принцип выделения групп см. далее): с низким и высоким уровнем прогрессивизма (в первой группе – 81 информант, во второй – 67). В этих группах был получен 621 пример описания аморальных поведения (см. примеры в табл. 2). Выделение контрастных групп позволило исключить из анализа те случаи, в которых уровень прогрессивизма является неопределенным, умеренным.

Методы сбора данных. Данные были получены в ходе социально-психологического и лингвокогнитивного исследования с применением целого ряда опросных методик. В рамках текущего исследования использовались результаты двух методик: русскоязычного опросника моральных оснований (MFQ-Ru) и анкеты, направленной на выявление представлений об аморальном.

Опросник MFQ-Ru, предложенный в наших предыдущих исследованиях [28], представляет собой

адаптацию англоязычного опросника моральных оснований [7], базирующегося на социально-интуитивистском подходе к исследованию морали [6]. Данный опросник состоит из двух частей (каждая включает 15 пунктов), в первой из которых требуется определить релевантность некоторого критерия для оценки различных поступков как правильных или неправильных (например, «Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания», оценка по шестибалльной шкале от «Абсолютно неважно» до «Крайне важно»). Во второй части информант должен оценить степень своего согласия (по шестибалльной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен») с каждым из 15 утверждений, отражающих те или иные суждений по вопросам морали, например: «Сострадание – самая важная добродетель». Оценки по всем 30 заданиям обрабатываются в соответствии с ключом для получения итоговых баллов по пяти шкалам: заботы, справедливости, лояльности, уважения и чистоты.

Далее на основе первичных шкал вычисляется коэффициент прогрессивизма, который характеризует соотношение индивидуализирующих и спланивающих моральных оснований. Он вычисляется для каждого информанта как разность среднего значения оценок по индивидуализирующим моральным основаниям (забота и справедливость) и среднего значения оценок по спланивающим моральным основаниям (лояльности, уважения и чистоты). Чем больше величина данного коэффициента, тем выше относительная роль индивидуализирующих моральных оснований. Относительно высокие значения этого коэффициента означают, что значимость моральных оснований заботы и справедливости для информанта значительно выше, чем важность лояльности, уважения и чистоты. Низкие значения коэффициента прогрессивизма указывают на тот факт, что значимость лояльности, уважения и чистоты лишь немного ниже (возможно, и выше, если значение коэффициента является отрицательным), чем значение заботы и справедливости. С целью выделения низкого и высокого уровней использовался тот факт, что для нормально распределенной случайной величины половина наблюдений находится внутри интервала $\mu \pm 0,675 \times \sigma$. Границы этого интервала для коэффициента прогрессивизма, составившие 0,47 и 1,79, использовались для выделения контрастных групп с разным уровнем: низкий уровень (менее 0,47) показал 81 информант, более 1,79 – 67 человек (различия в объеме выделенных групп объясняются умеренной асимметрией распределения коэффициента прогрессивизма). Ответы остальных информантов, составивших среднюю (неопределенную) группу по уровню прогрессивизма, не использовались в дальнейшем анализе.

Для сбора информации относительно представлений об аморальном поведении информантам было предложено ответить на следующий вопрос анкеты: «Что можно назвать аморальным? Приведите, пожалуйста, несколько примеров (не менее трех)».

Графосемантическое моделирование представлений об аморальном. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экс-

пликации структурных связей между семантическими компонентами множества. Особенность метода заключается в том, что в качестве компонентов рассматриваются не первичные эмпирические данные (в данном случае – примеры *аморального*), а результат экспертной классификации первичного материала (семантические поля). Связи между полями устанавливаются на основе их совместного вхождения в один контекст (в данном случае – набор примеров одного Ии.). Метод графосемантического моделирования состоит в последовательной реализации следующих действий: а) процедуры полевого анализа материала, б) генерации семантических карт и графов (по выборкам) и в) интерпретации семантических графов.

Метод графосемантического моделирования реализован в информационной системе «Семограф» (<https://semograph.org/>), которая предназначена для создания корпусов, проведения и анализа результатов психолингвистических, социоллингвистических и т.п. экспериментов, создания классификаторов и тезаурусов предметных областей, построения моделей и других задач, возникающих в ходе анализа языкового контента [32, 33]. Информационная система используется при решении широкого поля задач, связанных с семантическим анализом [34–36].

На первом этапе анализа все данные были импортированы в отдельный проект «Семографа»; для каждого испытуемого вся информация о нем, включая примеры *аморального* и социально-психологические сведения (город, пол, возраст, показатели результатов опроса MFQ-Ru), размещалась в отдельном контексте.

На втором этапе в рамках проведения полевого анализа осуществлялась классификация всех примеров *аморального*. Полевой анализ понимается как метод отнесения языковых единиц к одному или нескольким полям на основе общей у языковой единицы с данным полем (полями) семантики. Полем же полагается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания <...> и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [37. С. 380]. Процедура классификации состоит в приписывании каждого ответа к ячейкам классификатора (системе семантических полей) на основании представленности в ответе семантического признака, соотносимого с соответствующим ему полем.

Классификация проводилась авторами статьи; в процессе классификации вырабатывалась согласованная позиция экспертов по спорным вопросам.

Для более четкой ориентированности на заданные ТМО параметры определения моральных оснований, был выбран дедуктивный способ классификации материала с опорой на опросник MFQ-Ru [28]. Таким образом, в нашем исследовании анализируемые ответы Ии. приписывались к заранее определенным семантическим полям, максимально отражающим содержание выделенных в опроснике категорий. Структура представлений об аморальности была представлена полями двух уровней.

Поля макроуровня (макрополя) совпадают с пятью моральными основаниями опросника MFQ-Ru: «Забо-

та / непричинение вреда»; «Справедливость / честность»; «Лояльность группе»; «Уважение власти / традиций»; «Чистота / святость». Макрополя включают в себя семантические поля, формулировки которых отражают семантику, заложенную в опроснике. Так, например, вопрос «Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания?», связанный с моральным основанием «Забота», был трансформирован в семантическое поле «Причинение душевного / морального страдания»; смысловые доминанты утверждений «Уважение к власти и к авторитету – это то, чему должны учиться все дети» и «Даже если командир заведомо неправ, солдат должен выполнить его приказ» (моральное основание «Авторитеты») объединены в формулировке «Неуважение к представителям власти / к авторитетам» и под.

Один пример мог быть отнесен к нескольким полям. Например, в реакции «отказываться от воспитания собственных детей» актуализированы семы, связанные нами с двумя полями: «Пренебрежение традициями и обычаями» (макрополе «Уважение власти / традиций») и «Проявление эгоизма вопреки интересам группы» («Лояльность группе»), поскольку добровольный отказ родителей от заботы о своих детях одновременно нарушает принятые в обществе обычаи, регламентирующие отношения в семье, и свидетельствует об игнорировании интересов рода (ближайшей для человека социальной группы). В результате работы был создан иерархический классификатор, представленный в табл. 2. Посредством семантических полей структурируются представления об уровнях «недопустимости» в человеческой деятельности, поведении, жизни; эксплицируются иерархии смыслов при рефлексии о категории аморального.

В результате классификации каждый пример информанта был соотнесен, с одной стороны, с одним / несколькими полями, а с другой – со значениями социальных и психологических параметров, выявленных у того же информанта в результате опроса MFQ-Ru. Такая структура данных позволила на следующем этапе соотнести низкие и высокие показатели прогрессивизма (как интегрального показателя, характеризующего соотношение индивидуализирующих и сплачивающих моральных оснований) со структурами семантических полей. Таким образом, на данном этапе были сопоставлены результаты исследований, полученные двумя методами.

На третьем этапе осуществляется генерация семантической карты, которая представляет собой матрицу $N \times N$, в которой в столбцах и строках располагаются названия семантических полей. Значение ячейки, находящейся на пересечении столбца и строки, отражает частоту совместной встречаемости двух полей в контекстах всех данных (или отдельных выборок). На основе семантической карты в программе Gephi (URL: <http://gephi.org>, см. [29]) строится семантический граф – визуализация семантической карты.

Интерпретация графосемантической модели производится на основе анализа встречаемости полей в анализируемых примерах и силы связей между полями (частоты совместного вхождения полей в одни и те же контексты).

Результаты и их обсуждение

Данные табл. 2 демонстрируют приоритетные для респондентов с большим и меньшим показателями прогрессивизма макрополя, отражающие наиболее важные моральные принципы, нарушение которых в первую

очередь интуитивно воспринимается как «подрывание основ». В табл. 2 приведены относительные показатели значимости (встречаемости примеров аморального) моральных оснований для традиционалистов и прогрессивистов: данные получены с помощью деления абсолютных значений на количество Ии. каждой группы.

Таблица 2

Встречаемость семантических полей в выборках Ии. с низкими и высокими показателями прогрессивизма

Наименование поля		Низк. прогр.	Высок. прогр.	Пример
Забота / непричинение вреда		1,26 (0,29)	2,3 (0,44)	
1	Причинение душевного / морального страдания	0,284 (0,065)	0,51 (0,098)	унижать человека в обществе; оскорбление семьи, близких людей; неуважение к инвалидам; оскорбление с переходом на личности; самоутверждение за счет других
2	Причинение вреда слабым и беззащитным	0,407 (0,094)	0,42 (0,081)	пнуть беззащитное существо; унижение детей; педофилия; избивать женщин, детей, родителей, пожилых людей
3	Проявление жестокости	0,333 (0,077)	0,78 (0,150)	физическое насилие; драка в общественном месте; убийство; жестокое отношение к животным насилие любого характера
4	Намеренное причинение боли	0,210 (0,048)	0,45 (0,086)	считать абсолютно правильным избиение человека, в особенности избиение женщины мужчиной; пытки; издевательства над живыми существами
5	Отсутствие жалости, доброты	0,025 (0,006)	0,15 (0,029)	отказ от помощи нуждающимся; желание зла людям; равнодушие к чужой боли
Справедливость / честность		0,15 (0,03)	0,24 (0,05)	
6	Несправедливость	0,025 (0,006)	0,04 (0,009)	неуважение ценностей и религий других народов; античеловеческие законы; наказание осуждение невиновного человека судом, обществом; когда один человек может обогатиться другого из-за какой-то выгоды
7	Необъективное отношение	0,025 (0,006)	0	попытка всех уравнивать; оценка людей не по их способностям; оскорбление более низких по статусу людей
8	Нарушение прав человека / равноправия	0,099 (0,023)	0,19 (0,037)	тирания; неуважение ценностей и религий других народов; поведение высших чинов власти; ограничение свободы слова
Лояльность группе		0,23 (0,05)	0,33 (0,06)	
9	Предательство в общем	0,074 (0,017)	0,19 (0,037)	измена; предательство
10	Предательство страны / Отсутствие патриотизма	0,012 (0,003)	0	измена родине; оскорбление своей страны
11	Предательство своей группы	0,074 (0,017)	0,10 (0,020)	предательство друга; бросать детей; бросать родителей; подводить близких
12	Проявление эгоизма вопреки интересам группы	0,074 (0,017)	0,03 (0,006)	когда мать бросает своего ребенка; заработок денег без принесения пользы обществу (даже если способ заработка остается в рамках закона); один из супругов изменяет
Уважение власти / традиций		0,83 (0,19)	0,96 (0,18)	
13	Неуважение к власти	0	0	оскорбление власти
14	Пренебрежение традициями и обычаями	0,235 (0,054)	0,15 (0,029)	неуважение возраста; неприемлемое отношение к умершим (разрушение могил, оскорбление и пр.); курящие женщины; родители отказываются от ребенка, и он попадает в детдом
15	Пренебрежение правилами, общественным порядком	0,444 (0,102)	0,69 (0,132)	заговор; вандализм; убийство человека; воровство, грабеж; пьянство за рулем; коррупция
16	Неуважение к представителям власти / авторитетам	0,148 (0,034)	0,12 (0,023)	не чтить мать и отца своего; неуважение к ветеранам; неуважение к старшим
Чистота / святость		1,88 (0,43)	1,37 (0,26)	
17	Нарушение норм приличия	0,827 (0,190)	0,70 (0,135)	нецензурная речь; дебош или драка в общественном месте; находиться в нетрезвом состоянии при детях; употребление наркотиков; непристойное поведение
18	Вызывающее омерзение, гадливость	0	0	уродование человеческого тела татуировками, вставками под кожу людьми различных движений и субкультур
19	Разврат, распущенность	0,580 (0,133)	0,21 (0,040)	супружеская неверность; бегать голым по улице; выпивка и курение в общественном месте; развратное поведение
20	Считающееся стыдным	0,383 (0,088)	0,36 (0,069)	хамить и грубить людям; ложь; обсуждение в обществе своей половой жизни; корысть
21	Считающееся противоестественным	0,086 (0,020)	0,10 (0,020)	инцест; педофилия; однополые браки; канибализм; самоубийство

Примечание. Представлены относительные показатели встречаемости полей; в скобках даны нормированные показатели.

В то же время было установлено, что в целом в группе респондентов с низкими показателями прогрессивизма выделяется 4,35 семантических полей на одного Ии., с высокими показателями – 5,19. Для нормирования показателей встречаемости их относительные значения были поделены на значения 4,35 для традиционалистов и 5,19 для прогрессивистов (нормированные значения приведены в скобках). Нормированные показатели могут использоваться для сопоставления значимости полей в двух выборках.

Отметим, что в целом смысловая структура категории аморального у обеих групп опрошенных оказалась похожей, иерархии макрополей почти совпали – за исключением двух первых по значимости семантических блоков, которые относительно друг друга оказались в зеркальной позиции. Для испытуемых, ориентированных на спланированные ценности, первое место занимают семантические поля, связанные с «Чистотой / святостью»; столь же значимыми для «индивидуалистов» становятся поля из блока «Забота / непричинение вреда» (если сравнивать взвешенные показатели частотности, то это 0,43 и 0,44 соответственно). Такое распределение первых мест полностью соответствует положениям теории моральных оснований. Однако респонденты и с высокими, и с низкими показателями прогрессивизма не отрицают первичные ценности друг друга, а лишь перемещают на второе место (также при сходных взвешенных показателях значимости – 0,26 и 0,29). Остальные различия между прогрессивистами и традиционалистами, заданные ТМО, при осмыслении представлений о категории аморальности размываются: важные для дифференциации большего и меньшего прогрессивизма показатели ранжируются одинаково.

В этой ситуации различия в большей степени обуславливаются содержательными параметрами, на которые указывает распределение весов семантических полей, соотношенных с макроблоками моральных оснований.

Понимание категории «Чистоты / святости», самой важной для традиционалистов и второй по значимости для прогрессивистов, оказывается похожим у обеих групп испытуемых: ранги семантических полей, раскрывающих содержание категории, почти совпадают, кроме второй и третьей позиций, которые оказались зеркальными. В представлении и тех и других «Чистота / святость» базируется на нормах приличия, актуальных в современном обществе. Нарушение этих норм, демонстрация окружающим внутреннего стремления к девиантному поведению, попытки открыто встроить эти стремления в бытовой дискурс воспринимаются респондентами как аморальные.

Содержательные различия основываются на том, что нарушает «нормы приличия», чем в первую очередь характеризуется или обуславливается или во что разрешается аморальное поведение, когда речь идет об экстраполяции внутренних разрушительных интенций вовне.

У информантов с традиционалистскими приоритетами следующим по степени важности полем, уточняющим содержание категории, становится «Разврат, распущенность», проявляющиеся как стиль жизни,

причиняющие людям моральный и (или) физический вред. Прогрессивисты же прежде всего вписывают эту категорию в контекст стыдного – вне зависимости от того, причиняет ли деяние прямой вред или нет, стало ли известно о деянии и вообще воплотилась ли интенция в поступок или осталась на уровне замысла.

Категория «Забота / непричинение вреда» в большей степени различается в понимании респондентов с высоким и низким прогрессивизмом. В целом нарушение принципов, заданных соответствующим моральным основанием, связано с причинением разного рода вреда другому человеку. Для традиционалистов в первую очередь в этой связи важно определение статуса человека / существа, которому может быть причинен вред, с точки зрения способности к защите и (или) разрушительным действиям, аморальным считается причинение вреда слабым и беззащитным. И только потом с точки зрения моральных норм начинается оцениваться субъект недопустимого деяния: проявление им жестокости, провоцирование душевного страдания, осознанность поступка, вызывающего физическую / моральную боль.

Индивидуалистически настроенные респонденты, напротив, прежде всего обращают внимание на человека, позволяющего себе аморальный поступок, проявление жестокости по отношению к другому. Далее важным оказывается стремление причинять душевные страдания, а также намеренность деяния, вызывающего физическую / моральную боль. Беззащитность же человека / животного, неспособность его дать полноценный отпор для прогрессивистов оказывается гораздо менее значимым с точки зрения морали фактором, чем активность субъекта, реализующего свои разрушительные интенции.

Таким образом, для всех испытуемых моральные основания «чистоты» и «заботы» становятся базовыми при оценке поступков по шкале «добро-зло». Но группа респондентов с высокими показателями прогрессивизма во главу угла ставит человека, для которого стыд является основным фактором самоконтроля, препятствующим нарушению принятых в обществе норм поведения или причинению вреда другим. Испытуемые же, которым свойственна высокая оценка спланированных моральных оснований, ориентируются не на внутренние интенции личности при выборе добра и зла, а на оценку степени отрицательного воздействия на общество и отдельных его представителей.

Как было показано выше, прогрессивисты, приводя примеры аморального, обращаются к большему числу семантических полей (5,19 против 4,35). Вероятно, большая когнитивная сложность примеров аморального у Ии. с высоким прогрессивизмом обусловлена необходимостью подкреплять выбор индивидуалистических стремлений большим количеством доводов, встраивать в большее количество обосновывающих контекстов.

На графосемантических моделях, которые демонстрируют значимые связи между семантическими полями в концептуальных пространствах обеих групп респондентов, отражена и когнитивная сложность этих пространств. Графы построены с помощью про-

На рис. 1 представлен граф семантических полей информантов с низким показателем прогрессивизма, но семантические поля, характерные для прогрессивистов, также присутствуют и активно образуют связи с другими полями. То же мы наблюдаем на рис. 2, на котором представлена система связей, значимых для информантов с высоким показателем прогрессивизма: семантических полей «традиционалистского»

СЧИТАЮЩЕЕСЯ ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫМ

НАМЕРЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ БОЛИ

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА СЛАБЫМ И БЕЗАЩИТНЫМ

ПРОЯВЛЕНИЕ ЖЕСТОКОСТИ

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, РАВНОПРАВИА

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭГОИЗМА ВОПРОТИВ ИНТЕРЕСАМ ГРУППЫ

ПРИЧИНЕНИЕ ДУШЕВНОГО, МОРАЛЬНОГО СТРАДАНИЯ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ТРАДИЦИЯМИ И ОБЫЧАЯМИ

НЕУВАЖЕНИЕ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ / К АВТОРИТЕТАМ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СВОЕЙ ГРУППЫ

НАРУШЕНИЕ НОРМ ПРИЛИЧИЯ

РАЗВРАТ, РАСПУЩЕННОСТЬ

СЧИТАЮЩЕЕСЯ СТЫДНЫМ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ПРАВИЛАМИ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ПОРЯДКОМ

Основным моральным основанием, на нарушении которого строится картина аморальности у традиционалистов, и на графосемантической модели оказалось «Чистота / святость». Семантические поля этой группы образуют связи со всеми остальными и обуславливают ракурс рассмотрения остальных моральных оснований. Еще одним моральным принципом, проявившим активность в системе ценностей традиционалистов, стал «Уважение власти / традиций», причем наибольшую важность имеют правила, законы и традиции (поля «Пренебрежение правилами, общественным порядком», «Пренебрежение традициями и обычаями», т.е. некие нормы, кодифицированные государством или поддерживаемые обществом на протяжении времен. Поле «Неуважение к представителям власти / к авторитетам» проявляет несколько меньшую активность. Стоит отметить, что в основном его составляют реакции, в которых упоминаются ближайшие авторитеты (родители, старшие, взрослые и т.п.), а не представители власти. Отдельная личность не как носитель характеристик, традиционно призна-

Группа полей «Лояльность группе» представлена слабо и актуализирует только представления о верности своему ближайшему окружению, например семье, друзьям. Предательства в масштабах страны не вошли в число значимых составляющих категории аморальности. Вообще моральные основания редко проецируются на более широкий контекст, нежели межличностные отношения разного рода или часто встречающиеся и легко представляемые ситуации. Тем интереснее активность поля «Нарушение прав человека, равноправия» среди значимых индивидуалистических ценностей в картине мира традиционалистов (моральное основание «Справедливость, честность»). Но через связи с «Намеренным причинением боли» и «Причинением душевного / морального страдания» и оно предполагает выход, прежде всего, в межличностные отношения.

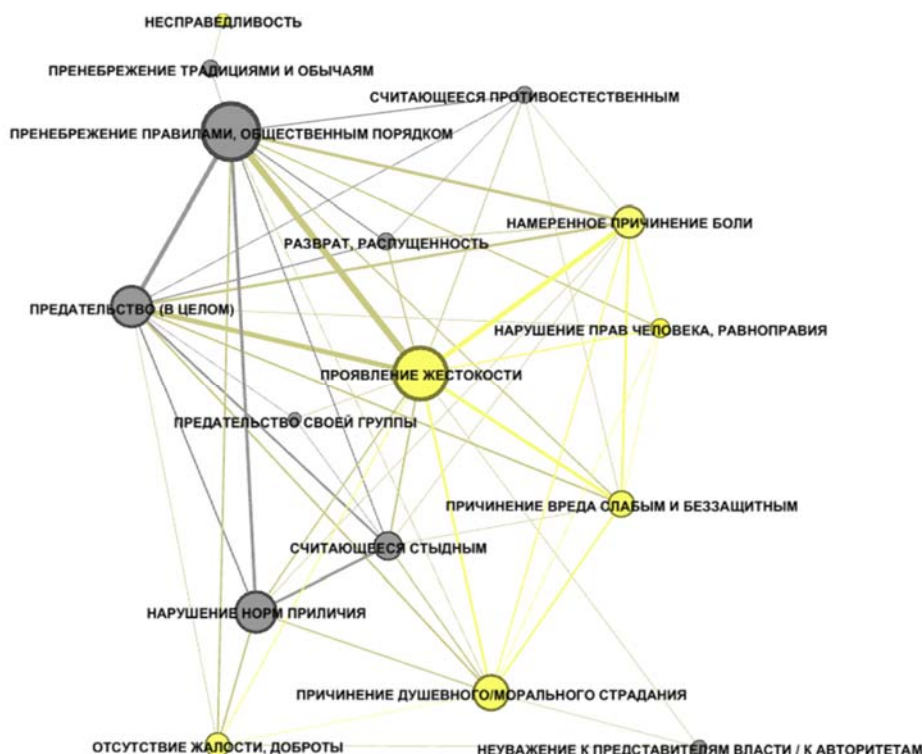

Рис. 2. Граф семантических полей информантов с высоким показателем прогрессивизма

Понимание аморальности у прогрессивистов связано с проявлением личной жестокости как осознанного выбора, что проявилось и на графосемантической модели. Но почти настолько же активными в концептуальном пространстве прогрессивистов становятся традиционалистические поля «Пренебрежение правилами, общественным порядком» (моральное основание «Уважение власти / традиций») и «Предательство (в целом)» («Лояльность группе»). Личностные стремления к жестокости в индивидуалистической картине мира тесно связаны с нарушением законов и правил, сохраняющих общественный порядок, в данной плоскости разрушительные интенции отдельного субъекта становятся опасными для всего общества и наоборот. В том же ключе проявляются представления о предательстве, которые у прогрессивистов выходят с конкретно-бытового уровня в сферу обобщений и потому рассматриваются и в контексте личностного аморального выбора (связь с центральным полем «Проявление жестокости»), и как нарушение законов («Пренебрежение правилами...»), и как деяние, противоречащее нормам приличия («Нарушение норм приличия») и внутреннему самоограничению с помощью стыда («Считающееся стыдным»).

На этом фоне вся система семантических связей, репрезентирующая представления прогрессивистов об аморальности, может быть интерпретирована как пространство для обобщающей рефлексии по поводу категорий морали, а не закономерности реагирования на конкретные ситуации морального выбора. Потому значимость традиционалистских моральных оснований не уменьшается, но они переосмысляются, в них выделяются те семантические блоки, которые помогают утверждению индивидуалистических ценностей [32–37].

Заключение

Таким образом, полученные результаты, демонстрирующие различия в представлениях об аморальном у респондентов с высокими и низкими показателями прогрессивизма, в целом соответствуют теории моральных оснований: для традиционалистов наиболее важным оказалось спланирующее моральное основание «Чистота / святость», а для прогрессивистов – индивидуализирующее «Забота / не причинение вреда». В то же время обнаружены некоторые особенности, которые могут внести уточнения в теоретические положения. Интерес представляет тот факт, что указанные различающиеся моральные основания имеют преобладающий вес, в остальном же смысловая структура категории аморального у традиционалистов и прогрессивистов оказалась похожей (вес моральных оснований уважения, лояльности и справедливости значительно ниже). При этом моральные основания «чистоты» и «заботы» не только не являются взаимоисключающими, но занимают в представлениях всех испытуемых важное первое или второе места и одновременно позволяют наиболее четко дифференцировать отличия между взглядами на категорию аморального у обеих групп Ии.

Традиционалисты, решая проблему идентификации аморального, обращают внимание на общественные правила, нормы приличия; нарушение их, угрожающее общественному порядку, является в их понимании однозначно аморальным, оценивается прежде всего степень отрицательного воздействия на общество. При этом респонденты с низкими показателями прогрессивизма при рефлексии об аморальном наиболее часто представляют конкретные поступки людей, определенные ситуации из ближайшего окру-

жения. Нарушение порядка, вред общественным ценностям не вписываются в контекст противостояния государственной власти и интересам ее представителей. Сплачивающие ценности не соотношены в представлениях информантов с защитой ценностей, транслируемых чиновниками, олицетворяющими российскую государственную власть.

Система представлений об аморальном, продемонстрированных прогрессивистами, не отрицает моральные основания, связываемые с картиной мира традиционалистов. Ии. с высокими показателями прогрессивизма переосмысливают сплачивающие ценности в качестве контекста для обоснования индивидуалистических моральных оснований. Основным субъектом морального выбора для них является человек, именно воля субъекта, его осознанный нравственный выбор деструктивного поведения несут за собой разрушение значимых общественных устоев.

Лица, оценивающие выше индивидуализирующие моральные основания, отрицают любые проявления жестокости по отношению к окружающим именно потому, что это, прежде всего, проявление

разрушительного начала человека и реализация его воле. Традиционалисты же делают акцент на недопустимости жестокого обращения со слабыми, что может быть интерпретировано как согласие с необходимостью жестких мер в определенных ситуациях (например, ужесточение системы наказаний, в том числе смертной казни и др.). Неожиданным является относительно малый вес полей, представляющих моральное основание «справедливость», что указывает на его второстепенную роль в моральном сознании всех испытуемых, независимо от уровня прогрессивизма.

Сделанные выводы могут отражать общие закономерности связи моральных оснований с представлениями об аморальном либо специфические для современных российских социокультурных условия, что требует уточнения в дальнейших кросс-культурных исследованиях. При этом полученные в данной работе результаты свидетельствуют о перспективности анализа моральных представлений с помощью методов семантического анализа и графосемантического моделирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь μ – среднее значение, σ – среднеквадратическое отклонение. Коэффициент 0,675 взят из таблицы единичного нормального распределения для соответствующего значения площади под кривой (см. Большев Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. М.: Наука, 1983. 416 с.).

² Здесь и на рис. 2 серым цветом выделены вершины, относящиеся к сплачивающим моральным основаниям, желтым цветом – к индивидуализирующим моральным основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

- Ellemers N., Toorn J. van der, Paunov Y., Leeuwen T. van. The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017 // *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23, № 4. P. 332–366. DOI: 10.1177/1088868318811759
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- Vigna G.S. Being Amoral: Psychopathy and Moral Incapacity. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019. 335 p.
- Gojković V., Dostanić J., Đurić V. The Dark Triad, Amoral, and Impulsivity // *Psihologija*. 2019. Vol. 52, № 1. P. 53–73.
- Stankov L., Knežević G. Amoral social attitudes and value systems among Serbs and Australians // *Australian Journal of Psychology*. 2005. Vol. 57, № 2. P. 115–128. DOI: 10.1080/00049530500048649
- Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: Институт психологии РАН, 2019. 188 с.
- Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Moijman M. Moral Foundations Theory // *Atlas of Moral Psychology* / Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
- Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological review*. 2001. Vol. 108, № 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
- Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, № 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
- Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J. Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians // *PloS One*. 2012. Vol. 7, № 8. P. e42366. DOI: 10.1371/journal.pone.0042366
- Kivikangas J., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample // *Social Psychology*. 2017. Vol. 48, № 4. P. 246–251. DOI: 10.1027/1864-9335/a000297
- Kim K.R., Kang J.-S., Yun S. Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States // *Psychological Reports*. 2012. Vol. 111, № 1. P. 173–185. DOI: 10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
- Frimer J.A. Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis // *Journal of Research in Personality*. 2020. Vol. 84. P. 103906. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906
- Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 60–77. DOI: 10.17223/17267080/73/4
- Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46, № 2. P. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
- Milfont T.L.L., Davies C.L., Wilson M.S. The Moral Foundations of Environmentalism: Care- and Fairness-Based Morality Interact With Political Liberalism to Predict Pro-Environmental Actions // *Social Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 14, № 2. P. 1–25. DOI: 10.32872/spb.v14i2.32633
- Matsuo A., Sasahara K., Taguchi Y., Karasawa M. Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary // *PLOS One*. 2019. Vol. 14, № 3. P. e0213343. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343
- Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. Vol. 364. P. 1281–1289. DOI: 10.1098/rstb.2008.0319
- Gallese V., Sinigaglia C. What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15, № 11. P. 512–519. DOI: 10.1016/j.tics.2011.09.003

21. Sloutsky V.M., Deng W. Categories, concepts, and conceptual development // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2019. Vol. 34, № 10. P. 1284–1297. DOI: 10.1080/23273798.2017.1391398
22. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М. : Азбуковник, 1998. 630 с.
23. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.12.2019).
24. Северская О.И. Аморальная безнравственность и безнравственная «аморалка» (трансформации выражений безнравственный поступок и аморальное поведение в современном русском языке и СМИ) // *Активные процессы в социальной и массовой коммуникации*. Ярославль, 2014. С. 96–106.
25. Walker L.J., Pitts R.C. Naturalistic conceptions of moral maturity // *Developmental psychology*. 1998. Vol. 34, № 3. P. 403. DOI: 10.14288/1.0087591
26. Walker L.J. The perceived personality of moral exemplars // *Journal of Moral Education*. 1999. Vol. 28, № 2. P. 145–162. DOI: 10.1080/030572499103188
27. Hardy S.A., Walker L.J., Olsen J.A., Skalski J.E., Basinger J.C. Adolescent naturalistic conceptions of moral maturity // *Social Development*. 2011. Vol. 20, № 3. P. 562–586. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2010.00590.x
28. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15, № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
29. Bastian M., Heymann S., Jacomy M. Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. URL: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154> (дата обращения: 08.12.2019).
30. Blondel V.D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E. Fast unfolding of communities in large networks // *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*. 2008. Vol. 2008, № 10. P. P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008
31. Lambiotte R., Delvenne J.-C., Barahona M. Laplacian dynamics and multiscale modular structure in networks. URL: <https://arxiv.org/abs/0812.1770v3> (дата обращения: 08.12.2019).
32. Baranov D., Belousov K., Ichkineeva D., Zelyanskaya N. The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214. P. 958–964. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.681
33. Belousov K.I., Baranov D.A., Boronnikova N.V., Erofeeva E.V., Zelyanskaya N.L. Interdisciplinarity and polyparadigmality in domestic linguistics corpus research of projects funded in the field of linguistics // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87, № 6. P. 491–501. DOI: 10.1134/S1019331617060016
34. Ichkineeva D.A. Keywords of the text: associative aspect. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts // Vol. 5. Albena, Bulgaria : SGEM, 2018. P. 305–312.
35. Isaeva E., Bakhtin V., Tararkov A. Collecting the Database for the Neural Network Deep Learning Implementation // *Digital Science. DSIC18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing*: Vol. 850. Springer, 2018. P. 12–18.
36. Павлова Д.С., Гаранович М.В. Вариативность семантической структуры устных спонтанных монологов «О себе» в зависимости от фактора «гендер» // *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 107–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-107-122
37. Кузнецов А.М. Поле / Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 688 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 мая 2020 г.

Understanding the Amoral in the Context of the Moral Foundations Theory: A Sociopsychological and Linguocognitive Study

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 16–27.

DOI: 10.17223/15617793/456/2

Konstantin I. Belousov, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: belousovki@gmail.com

Natalia L. Zelyanskaya, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: zelyanskaya@gmail.com

Oleg A. Sychev, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: osn1@mail.ru

Mikhail S. Vlasov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Keywords: moral; amoral; moral foundations theory; traditionalism; progressivism; experiment; semantic analysis; graphosemantic modeling.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 18-013-00119.

The article discusses the problem of association between the understanding of the amoral and the level of progressivism, which measures the relative subjective importance of individualizing and binding moral foundations. According to the moral foundations theory (by Jonathan Haidt), progressivists rate higher the importance of individualizing moral foundations (which include Harm/Care and Fairness/Honesty), while traditionalists give an equal appraisal of both individualizing moral foundations and binding ones (including Authority, Loyalty and Purity/Sanctity). On the basis of the moral foundations theory, the authors hypothesize that, in describing the “amoral”, progressivists first indicate the transgression of norms of Harm/Care and Fairness (individualizing moral foundations), while traditionalists mostly indicate transgression of norms of Authority, Loyalty, and Purity. To test this hypothesis, the authors conducted an empirical study using the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire and a special questionnaire to assess the subjective understanding of the amoral. The sample comprised 300 university students. Two contrasting groups with high (67 respondents) and low (81 respondents) levels of progressivism were formed from the total sample. Their responses were used for further analysis. The responses (“field analysis”) were classified using the Semograph information system. The classifier was based on the categories of the moral foundations theory. The frequency analysis of the extracted fields and semantic graphs constructed using the method of graphosemantic modeling allowed detecting some differences in the understanding of the amoral by traditionalists and progressivists. The most frequent and important moral foundation in the group of traditionalists is Purity/Sanctity, while the individualizing moral foundation of Harm/Care is the most frequent in the group or progressivists. These two moral categories are the most frequent in both groups regardless of the level of progressivism, and they form the core of the understanding of the amoral. The frequency of other categories which reflect the moral foundations of Authority, Loyalty, and Fairness/Honesty is much lower, and differences in the usage of these categories by progressivists and traditionalists have not been detected. The frequency of the moral foundation of Fairness/Honesty is the least in both groups revealing its secondary role in the moral consciousness of all the respondents regardless of the level of progressivism. The obtained results clarify some findings of the moral foundations theory and demonstrate the promise of graphosemantic modeling for studying moral representations.

REFERENCES

- Ellemers, N. et al. (2019) The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017. *Personality and Social Psychology Review*. 23 (4). pp. 332–366. DOI: 10.1177/1088868318811759
- Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 100 000 slov i slovosochetaniy* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 100,000 Words and Phrases]. Moscow: Adelant.
- Vigna, G.S. (2019) *Being Amoral: Psychopathy and Moral Incapacity*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Gojković, V., Dostanić, J. & Đurić, V. (2019) The Dark Triad, Amoralism, and Impulsivity. *Psihologija*. 52 (1). pp. 53–73.
- Stankov, L. & Knežević, G. (2005) Amoral social attitudes and value systems among Serbs and Australians. *Australian Journal of Psychology*. 57 (2). pp. 115–128. DOI: 10.1080/00049530500048649
- Arutyunova, K.R. & Aleksandrov, Yu.I. (2019) Moral' i sub'ektivnyy opyt [Morality and Subjective Experience]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
- Graham, J. et al. (2018) Moral Foundations Theory. In: Gray, K. & Graham, J. (eds) *Atlas of Moral Psychology*. New York, London: The Guilford Press. pp. 211–222.
- Haidt, J. (2001) The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*. 108 (4). pp. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
- Graham, J. et al. (2011) Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*. 101. pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
- Graham, J., Haidt, J. & Nosek, B.A. (2009) Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 96 (5). pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
- Iyer, R. et al. (2012) Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians. *PloS One*. 7 (8). p. e42366. DOI: 10.1371/journal.pone.0042366
- Kivikangas, J., Lönnqvist, J.-E. & Ravaja, N. (2017) Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample. *Social Psychology*. 48 (4). pp. 246–251. DOI: 10.1027/1864-9335/a000297
- Kim, K.R., Kang, J.-S. & Yun, S. (2012) Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States. *Psychological Reports*. 111 (1). pp. 173–185. DOI: 10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
- Frimer, J.A. (2020) Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis. *Journal of Research in Personality*. 84. p. 103906. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906
- Sychev, O.A., Belousov, K.I. & Protasova, I.N. (2019) Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 73. pp. 60–77. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/4
- Koleva, S.P. et al. (2012) Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*. 46 (2). pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
- Milfont, T.L.L., Davies, C.L. & Wilson, M.S. (2019) The Moral Foundations of Environmentalism: Care- and Fairness-Based Morality Interact With Political Liberalism to Predict Pro-Environmental Actions. *Social Psychological Bulletin*. 14 (2). pp. 1–25. DOI: 10.32872/spb.v14i2.32633
- Matsuo, A., Sasahara, K., Taguchi, Y. & Karasawa, M. (2019) Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary. *PLOS One*. 14 (3). p. e0213343. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343
- Barsalou, L.W. (2009) Simulation, situated conceptualization, and prediction. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 364. pp. 1281–1289. DOI: 10.1098/rstb.2008.0319
- Gallese, V. & Sinigaglia, C. (2011) What is so special about embodied simulation? *Trends in Cognitive Sciences*. 15 (11). pp. 512–519. DOI: 10.1016/j.tics.2011.09.003
- Sloutsky, V.M. & Deng, W. (2019) Categories, concepts, and conceptual development. *Language, Cognition and Neuroscience*. 34 (10). pp. 1284–1297. DOI: 10.1080/23273798.2017.1391398
- Shvedova, N.Yu. (1998) *Russkiy semanticheskii slovar'.* *Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Moscow: Azbukovnik.
- Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 08.12.2019). (In Russian).
- Severskaya, O.I. (2014) Amoral'naya beznравstvennost' i beznравstvennaya "amoralka" (transformatsii vyrazheniy beznравstvennyy postupok i amoral'noye povedeniye v sovremennom russkom yazyke i SMI) [Dissolute immorality and immoral dissoluteness (transformations of expressions "immoral act" and "immoral behavior" in modern Russian language and media)]. In: Anis'kina, N.V. & Ukhova, L.V. (eds) *Aktivnye protsessy v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Active Processes in Social and Mass Communication]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 96–106.
- Walker, L.J. & Pitts, R.C. (1998) Naturalistic conceptions of moral maturity. *Developmental Psychology*. 34 (3). p. 403. DOI: 10.14288/1.0087591
- Walker, L.J. (1999) The perceived personality of moral exemplars. *Journal of Moral Education*. 28 (2). pp. 145–162. DOI: 10.1080/030572499103188
- Hardy, S.A. et al. (2011) Adolescent naturalistic conceptions of moral maturity. *Social Development*. 20 (3). pp. 562–586. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2010.00590.x
- Sychev, O.A., Protasova, I.N. & Belousov, K.I. (2018) Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*. 15 (3). pp. 88–115. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
- Bastian, M., Heymann, S. & Jacomy, M. (2009) *Gephi: An open source software for exploring and manipulating networks*. [Online] Available from: <http://www.aan.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154>. (Accessed: 08.12.2019).
- Blondel, V.D., Guillaume, J.-L., Lambiotte, R. & Lefebvre, E. (2008) Fast unfolding of communities in large networks. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*. 10. p. P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008
- Lambiotte, R., Delvenne, J.-C. & Barahona, M. (2015) *Laplacian Dynamics and Multiscale Modular Structure in Networks*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/0812.1770v3>. (Accessed: 08.12.2019).
- Baranov, D., Belousov, K., Ichkineeva, D. & Zelyanskaya, N. (2015) The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 958–964. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.681
- Belousov, K.I. et al. (2017) Interdisciplinarity and polyparadigmality in domestic linguistics corpus research of projects funded in the field of linguistics. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87 (6). pp. 491–501. DOI: 10.1134/S1019331617060016
- Ichkineeva, D.A. (2018) Keywords of the text: associative aspect. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. Vol. 5. Albena, Bulgaria: SGEM. pp. 305–312.
- Isaeva, E., Bakhtin, V. & Tararkov, A. (2018) Collecting the Database for the Neural Network Deep Learning Implementation. *Digital Science. DSIC18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 850. Springer. pp. 12–18.
- Pavlova, D.S. & Garanovich, M.V. (2019) Variability of Semantic Structure of Oral Spontaneous Monologues "About Myself" Depending on "Gender" Factor. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 107–122. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-107-122
- Kuznetsov, A.M. (1998) Pole [Field]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. A Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

Received: 17 May 2020